

Александр Романчук, протонерей

*председатель Синодальной исторической комиссии
Белорусского Экзархата Московского Патриархата,
кандидат богословия, заведующий кафедрой церковной
истории и церковно-практических дисциплин Минской
духовной семинарии, доцент кафедры церковной истории
и церковно-практических дисциплин Минской духовной
академии. E-mail: romanchuk_alex@mail.ru
(Беларусь, Минск)*

СОСТОЯНИЕ УНИАТСКОЙ ПАСТВЫ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УПРАЗДНЕНИЯ УНИИ В РОССИИ В 1839 ГОДУ

Резюме

В статье анализируются различные аспекты состояния униатской паствы белорусско-литовских губерний, что стало важной предпосылкой успешного процесса воссоединения униатов с Православной Церковью в ходе Полоцкого церковного собора в 1839 году. Состояние униатской паствы былоотячено наследием конфессиональной политики Речи Посполитой, которое состояло в религиозном невежестве и тяжелом социально-экономическом положении простого народа, не обеспечивая верность верующих греко-католиков унии. Большую угрозу для униатского церковного объединения несла неудовлетворенность людей конфессиональным разделением, возникшим по итогам воссоединения 1794–1795 гг. Разделение разрывало соседские, родственные и даже экономические связи, что заставляло людей желать восстановления общей принадлежности единой конфессии.

Ключевые слова: *Православие, уния, Российская империя, митрополит Иосиф Семашко*

Воссоединение униатов с православными в Российской империи в 1839 г. носило бескровный и малоконфликтный характер. Этот факт заставляет сделать вывод о том, что предложенный прелатом Иосифом Семашко в 1827 г. проект разрыва Брестской церковной унии в пределах Российской империи учитывал особенности религиозного состояния греко-католической паствы на этой территории в конце XVIII – начале XIX в. Их выявление представляет собой сложную задачу из-за малого числа источников, раскрывающих устроения и чаяния простых людей в религиозной сфере. Тем не менее, общее представление о состоянии униатской паствы можно составить.

Прежде всего нужно обозначить главное: критическую важность для выживания униатского церковного объединения в пределах Российской империи имела уверенность людей в спасительности пути, предлагаемого унией. Однако идея объединения христиан Востока и Запада посредством заключения церковного союза является сложной и дискуссионной с богословской точки зрения. Ее восприятие напрямую связано с высоким уровнем знания истин христианской веры и церковной истории, широтой теологического мышления, культурным плюрализмом и, самое главное, с определенным особым направлением богословского чувствования. Все это не может быть доступно широким массам верующих, в основном живущих минимумом религиозных знаний и освященной временем церковной традицией. Поэтому униатская идея ее чистом виде принадлежит немногочисленным маргиналам от духовной жизни. Ее пропаганда хотя и является единственным средством приобрести верных последователей, но не может иметь большого успеха. Далеким случаем представляется то, что распространение церковной унии в Речи Посполитой не было связано с проповедью народу идеи восстановления христианского единства через союзный договор Церквей, но носило государственно-правовой и церковно-практический характер¹. С одной стороны, это обусло-

¹ Афанасий (Маргос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни. С. 210 ; Среди лично свободных слоев населения уния в XVII в. пропагандировалась утверждением превосходства католичества над православием и заявлением, якобы Киевская митрополия подчинялась Риму издавна, по меньшей мере со второй половины

вило переход в католичество римского обряда минуя унию большого числа западнорусской шляхты и лично свободных мещан; с другой стороны, массы крепостных крестьян были формально объявлены униатами. Названные униатами крестьяне не разбирались в различиях между православным и католическим вероучениями, а в обрядах Кирилло-Мефодиевской традиции видели религиозную святую и ограждение своей русской этничности, которые являлись единственной защитой от угрозы ополячивания².

XV в. В подтверждение приводилось обнаруженное митрополитом Ипатием (Потеем) послание Киевского митрополита Мисаила папе Сиксту IV, датированное 1476 г. (Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви: в 9 т. М., 1994–1997. Кн. VI: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). С. 185–186; сравн.: Ипатий (Потей), митрополит. Грамота Киевского митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, 1476 года. 1605 г. // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. Т. 7, ч. 1. Киев, 1887. С. 193–231; Ипатий, Потей, I, митрополит. Оборона Флорентийского собора восьмого противальшского (собору), недавно виданого ворогами з'єднання – у Вильні – 1604 року // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Sectio II. – Romae, 1996. Vol. XV. P. 396–459*; Русина, Е.В. Послание Мисаила 1476 г.: бытование, рецепция, информационные ресурсы / Е.В. Русина // «Исследования по истории Восточной Европы». Серия „*Studia Historica Europae Orientalis*“. – 2021. – Вып. 14. – С. 57–77). По поводу этого утверждения К.С. Сербинович метко замечает: «Папа в данной первым униатским епископам булле изъяснил: «Наконец через 150 лет (после Флорентийского собора – А.Р.) возвращаетесь вы, о епископы российские, к камню веры...» и проч. Собственное тогдашнее признание Рима, что Русь от него до 1596 г. не зависела, важнее всех нынешних противных тому догадок» (РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 427. Записка Сербиновича К.С. с оценкой статей о воссоединении униатов во французской прессе с приложением номеров «*Journal des débats*» от 23 ноября 1845 г., от 26 января, 23 и 25 апреля 1846 и «*Lesiècle*» от 15 октября 1845 г. Л. 7).

² Брестская уния заключалась не в рамках экуменической флорентийской еклезиологии, в которой допускались догматический диалог и терпимость к разнообразию литургических практик. Уния в Речи Посполитой заключалась на основании тридентского теологического мышления, выработанного Католической Церковью в период острейшей борьбы с реформацией. В границах этого мышления не было места для толерантного отношения к иным церковным традициям, речь могла идти исключительно об инкорпорации части Православной Церкви Римом (Об этом см.: Адрианов И., священник. Православная оценка Унии // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. Ч. 1, кн. 1. Мн., 2002. С. 139; Пирлинг П. Россия и папский престол. С. 20). Рим сохранял в унии восточное богослужение, что было закреплено в булле Климента VIII «*Magnus Dominus*», однако уже А. Поссевин полагал, что со временем русские униаты должны перейти на латинский обряд как более совершенный (Галазда П., священник. Літургічне питання і розвиток богослуження напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань. Львів, 1997. С. 5–6). Еще более нетерпимым был известный латинский богослов Х. Сарагоса, член Римской инквизиции, считавший церковные обряды Кирилло-Мефодиевской традиции еретическими (Там же). Подтверждением литургической нетерпимости Западной Церкви в эту эпоху служит то, что в папском Виленском алумнате, созданном стараниями А. Поссевина еще до введения унии и предназначенном для подготовки католических миссионеров из числа этнических русских, все образование и воспитание алумнов осуществлялось в латинской обрядности,

В итоге Брестская уния за два века своего существования так и не сумела превратить предков современных белорусов и малороссов в убежденных католиков. Это со ссылкой на классиков марксизма-ленинизма признают современные белорусские апологеты унии. «Факт захавання пад уніяцкай абалонкай праваслаўнай веры, – пішет С.В. Морозова, – адзначаны Ф. Энгельсам і пацверджаны шматлікімі крыніцамі»³.

Сохранившаяся в начале XIX в. в России греко-католическое церковное объединение составляли неграмотные крепостные крестьяне и беднейшие слои мещан и шляхты⁴. Среди них проблема убежденности в религиозной правде унии не была решена так же, как она не была решена и в предыдущие два века. Приходское униатское духовенство не только не пропагандировало униатскую идею, но и вообще, в силу своей слабой богословской подготовки, очень мало занималось элементарной катехизацией народа. Эта проблема была предана гласности в 1780-е гг. униатским визитатором Г.

чтобы «культура в узком смысле римская, западная вошла в их плоть и кровь» (Poplatek J. *Alumnatpapijeski w Wilnie. Z dziejowszkołnictwajezuickiego w Polsce // Wyborartykulow. Kraków, 1994. S. 106*). Т.о., несмотря на громкие декларации, изначально в глазах Апостольской столицы униаты были в положении людей, которым только предстоит достичь «истинного» Христианства в латинских формах богочитания. В свою очередь, правительственные круги Польши видели в унии религиозное средство этно-культурной трансформации русского населения с целью укрепления страны. Учитывая это, можно сделать вывод о том, что проблема латинизации церковной жизни и ополчания стояла перед западнорусскими униатами очень остро.

³ Морозова С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі. С. 84 ; Констатація такога рэлігійнага становішча униатскай паствы не аб'ясняе большых страт уніі на переломе XVIII і XIX вв. в пользу латынскага абрада і асабліва тое, што многія уніаты пасля злучэння з Праваслаўнай Царквой затым, мінуў унію, ушлі в кастэлы. Пры гэтым яны сталі называць сябе палякамі, а іх потымкі в нашы дні непоколебимо убеждены в своей принадлежности к польскому народу. Здесь нужно обратить внимание на то, что изменение конфессиональной принадлежности на западнорусских землях было тесно связано с переменной этнической самоидентификации и повышением социального статуса. Хорошо известно, что российская власть в то время не устранила фактор религиозного, культурного и экономического доминирования польского католического знати в крае. Сверх того, в царствования императоров Павла I и Александра I это доминирование только возросло и, наверное, для многих тогда уже казалось незбылемым. По-видимому, это заставило большую часть униатов на территориях современных Белоруссии и Украины совершить акт не только религиозного, но и глубокого этнического ренегатства, в котором они надеялись найти выход из своего жалкого приниженого положения (Об этом см. : Назимов И.В. Владимир Иванович Назимов: очерк из новейшей летописи Северо-Западной России // Русская старина, 1885. Т. XLV. С. 570).

⁴ Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А.У. Унучак [і інш.] ; рэдкал.: В.В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 573 с. С. 293.

Туркевичем⁵. Такое положение вещей не могли изменить немногочисленные выпускники папского Виленского аллюмната, закрытого в 1799 г., и католической Главной семинарии при Виленском университете, открытой в 1803 г. Оно оставалось практически неизменным вплоть до конца существования унии в России, так что, по замечанию современной исследовательницы этой проблемы М. Корзо, «сведений о непосредственных методах катехизации в униатской церкви еще меньше, чем о ее содержании»⁶.

Отсутствие религиозного просвещения народа в унии нашло отражение в официальных документах. Например, Витебский, Смоленский и могилевский генерал-губернатор Н. Хованский в 1824 г. сообщал митрополиту Иосафату (Булгаку), что по собранным им сведениям «в некоторых местах невежество крестьян столь велико, что они не знают даже христианских молитв». Так же Хованский обращался к министру духовных дел и народного просвещения князю А.Н. Голицину с просьбой, чтобы тот обязал униатское священноначалие наконец заняться религиозным «воспитанием белорусских крестьян»⁷. При этом Хованский отмечал, что униатскую паству составляли неграмотные крепостные крестьяне и беднейшие слои мещан и шляхты⁸.

Невежество западнорусских униатов в Речи Посполитой не было случайным явлением. Оно культивировалось искусственно. Известна установка польского католического общества времен Речи Посполитой, направленная на содержание западнорусского населения в нищете и невежестве, «чтобы ни деньгами, ни умом не могли помочь себе»⁹. Соответствующим образом иезуитами воспитывались униатские иерархи. Например, воспитанник членов Общества Иисуса митрополит Иосафат (Булгак) в 1820-е гг. вполне определенно высказывался в том духе, что для униатских

⁵ Коялович М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен. Мн., 1999. С. 253.

⁶ Корзо М.А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVII–XVIII вв. М., 2007. С. 456.

⁷ Цит. по :Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А.У. Унучак [і інш.] ; рэдкал.: В.В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 573 с. С. 294.

⁸ Там же. С. 293.

⁹ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 418. Проект Инструкции Генерал-Губернаторам западных губерний в связи с проведением мероприятий по воссоединению грекоуниатов с православной церковью (с заметками Сербиновича К.С.) и записки Сербиновича К.С. и др. лиц по этому поводу с изложением истории Унии. Л. 41

священников наука не нужна. Достаточно, если они будут уметь исполнять обряды¹⁰.

Учитывая сказанное, невозможно серьезно говорить о сознательной приверженности полуторамиллионной униатской паствы в России идее восстановления христианского единства через союз Церквей. Здесь скорее приходится констатировать религиозное невежество простого народа. Его проявлением было усиление до крайней степени обрядоверия, а следствием – расцвет среди рядовых униатов древних языческих суеверий¹¹.

На религиозное состояние униатов, особенно на белорусских землях, также влияли внешние условия жизни, характеризующиеся жесточайшей экономической эксплуатацией со стороны помещиков-католиков и этнокультурным давлением полонизма. По свидетельствам образованных людей тех лет, белорусы находились в ужасном состоянии, владели жалкое нищенское существование. Согласно воспоминаниям Я.А. Чебодько, «белорус на вид был грязен, боязлив, худ, крайне слаб и, кроме того, отличался еще тупоумием и склонностью к суевериям»¹². Мнение Я. Чебодько разделяет и протоиерей П. Янковский, который свидетельствует, что белорусский простолюдин начала XIX ст. – «это несчастный, угнетенный, долго помыкаемый сирота... но с огромным, притом, запасом веками выработанной хитрости и лукавства. Круглому сироте для самосохранения и не остается, пожалуй, другой защиты»¹³. Представители российской администрации в Северо-Западном крае с удивлением отмечали неестественную покорность народа, «постоянно готового повиноваться той власти, которая его будет руководить»¹⁴.

Страшное свидетельство о состоянии униатской паствы оставил витебский губернатор И.С. Жиркевич. В беседе с Д.Н. Блудовым он говорил: «Витебский крестьянин – не человек (из дальнейшего очевидно, что Жиркевич имел в виду социальную неразвитость и экономическую порабощенность белорусских крестьян-униатов – А.Р.). Он ни чувств, ни религии не имеет. Слушает всякого, кто

¹⁰ Морощкин М., священник. Иезуиты в России, от царствования Екатерины II-й и до нашего времени: в 2 ч. СПб., 1867–1870. Ч. 1. С. 250.

¹¹ Которые в наше время очень нравятся культурологам и фольклористам, видящим в них особую врожденную черту белорусов.

¹² Чебодько П.Я. Из воспоминаний белоруса Я.А. Чебодько. С. 36.

¹³ Янковский П., священник. Записки сельского священника. С. 133.

¹⁴ Из записок Ф.Я. Мирковича // Русский архив. 1890. Кн. 1, вып. 3. С. 427.

перед его глазами. Ксендз, чиновник, помещик действуют им, как машиной, и я могу удостоверить ваше высокопревосходительство, что в теперешнем положении крестьянина прикажи ему не только перейти в православие, но и в магометанство, он и это беспрекословно сделает, и опомнится в новом законе только тогда, когда его накормят. Не было примеров, чтобы занимались религиозными вопросами, когда в животе вместо хлеба – древесная кора и мох, как у витебского крестьянина. Накормят его, говорю я, и он сочтет это благим последствием перемены и навсегда подчинится оной»¹⁵.

Невежество и угнетенность в совокупности вели к тому, что простые униаты не могли должным образом ориентироваться в церковной сфере и выражать собственную волю. Единственное, что им оставалось – это слепо доверять приходским священникам, которые являлись для них самой близкой и родной интеллигентной силой. На тесную и доверительную связь духовенства и паствы в унии в 1797 г. в рапорте императору Павлу I указал З.Я. Карнеев, засвидетельствовав, что народ «готов следовать за ними (за униатскими священниками – А.Р.) повсюду»¹⁶.

Культивирование религиозного невежества и социально-экономическое порабощение народа не вызывают симпатий, но результатом этого явилось то, что в униатской пастве в описываемое время укоренился и торжествовал простой принцип: вероисповедание пастыря определяет вероисповедание паствы. С одной стороны, в этом была сила унии, позволившая ей сохраниться на переломе XVIII и XIX вв. в тех регионах, где униатское духовенство проявило верность Риму и соответствующим образом повлияло на народ. Но, с другой стороны, в этом для греко-католического объединения очевидная опасность. Существование католичества восточного обряда в России оказалось в руках клира, а вернее горсти тех людей – иерархии, начальствующего духовенства и воспитателей духовного юношества, – которые непосредственно влияли на формирование убеждений и деятельность приходских священников.

На настроение в среде униатского народа значительно повлиял массовый переход униатов в Православную Церковь в 1794–1795 гг. Он послужил нарастанию межконфессиональной напряженности среди населения. В рапорте императору Павлу I в 1797 г. З.Я.

¹⁵ Из бумаг генерала И.С. Жиркевича // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1892. – Т. XLVIII. – 920 с. С. 150–159. С. 151–152.

¹⁶ Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии. 6 июля 1797 г. // Русский архив. – 1869. – Т. 12. – Стлб. 1559–1566. Стлю. 1566.

Карнеев отметил, что народ не имеет твердого «понятия о униатском исповедании веры, ни мало не противится и благочестивому; но тем токмо огорчен, что, по обращении церквей их из униатских в благочестивые, лишились они всех выгод, коими прежде пользовались, а именно перестали униатские священники из соседних приходов ходить к ним с крестами и образами, в храмовой и прочие праздники для процессии, от чего по местечкам и селам прекослось стечение народа, убавились торги и ярмарки; лишились жители средств продавать свои продукты и покупать нужное; забавы и свидания с родными из других деревень прекратились, и они увидели себя вдруг аки осиротевшими и отчужденными от всякого сообщества: ибо, за строгим запрещением униатским попам давать требы прихожанам благочестивых церквей, не принимают их нигде в праздники и по другим селениям, но бегают и чуждаются»¹⁷.

Обособленное положение немногочисленных православных приходов среди множества униатских, которое наблюдалось после екатерининского воссоединения, люди переживали тяжело. Поэтому некоторые из воссоединенных, не понимая разницы между православием и унией, желали, чтобы все сельские общины были одинаково либо униатскими, либо православными «дабы по-прежнему иметь сношение со всеми беспрепятственное и пользоваться общими для жизни выгодами»¹⁸.

Изучая межконфессиональную ситуацию в Минской губернии З.Я. Карнеев не обнаружил единодушной твердости воссоединенных от унии прихожан в православии. В то же время он сообщает, что никто из верующих не стремится обратно в унию, но только люди желают восстановить вероисповедное единство со своими соседями и родственниками. Учитывая неразрывные всеобъемлющие связи людей между собой, без сомнения, то же стремление восстановить нормальную жизнь присутствовало и у униатов. В итоге можно говорить об имевшей место неудовлетворенности народа сложившейся конфессиональной ситуацией, что при условии непонимания верующими вероучительных различий между православием и униатским изводом католичества создавало почву для благосклонного отношения людей к возможному

¹⁷ Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии. 6 июля 1797 г. // Русский архив. – 1869. – Т. 12. – Стлб. 1559–1566. Стлб. 1562.

¹⁸ Там же. Стлб. 1562–1563.

общему воссоединению униатского населения с православным по житейским причинам.

Принимая во внимание сказанное, можно сделать вывод о том, что состояние униатской паствы было отягчено наследием конфессиональной политики Речи Посполитой, которое состояло в религиозном невежестве и тяжелом социально-экономическом положении простого народа, и не обеспечивало верность верующих греко-католиков унии. Большую угрозу для униатского церковного объединения несла неудовлетворенность людей конфессиональным разделением, возникшим по итогам воссоединения 1794–1795 гг. Разделение разрывало соседские, родственные и даже экономические связи, что заставляло людей желать восстановления общей принадлежности единой конфессии независимо от того будет это уния или православие.

Литература

Афанасий, (Мартос), архиепископ. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни / архиепископ Афанасий (Мартос). – Минск : Белорусский Экзархат Русской Православной Церкви, 1990. – 299 с.

Макарий (Булгаков), митрополит. История Русской Церкви: в 9 т. / митрополит Макарий Булгаков. Москва : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1997. – Кн. VI: Период самостоятельности Русской Церкви (1589–1881). – 797 с.

Ипатий (Потей), митрополит. Грамота Киевского митрополита Мисаила к папе Сиксту IV, 1476 года. 1605 г. // Архив Юго-Западной России, издаваемый комиссиею для разбора древних актов. Т. 7, ч. I. Киев, 1887. – С. 193–231.

Іпатій, Потей, І, митрополіт. Оборона Флорентійського собору восьмого протифальшивого (собору), недавно виданого ворогами з'єднання – у Вільні – 1604 року // *Analecta Ordinis S. Basilii Magni. Sectio II.* – Romae, 1996. Vol. XV. P. 396–459.

Русина, Е.В. Послание Мисаила 1476 г.: бытование, рецепция, информационные ресурсы / Е.В. Русина // «Исследования по истории Восточной Европы». Серия «*Studia Historica Europae Orientalis*». – 2021. – Вып. 14. – С. 57–77.

РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 427. Записка Сербиновича К.С. с оценкой статей о воссоединении униатов во французской прессе с приложением номеров «Journal des débats» от 23 ноября 1845 г., от 26 января, 23 и 25 апреля 1846 и «Lesiècle» от 15 октября 1845 г.

Адрианов, И., священник. Православная оценка Унии / священник И. Адрианов // VII Международные Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры, Минск, 22–24 мая 2001 г.: в 2 ч. / Европейский гуманитарный ун-т; Бел. гос. ун-т культуры; редкол.: Бендин А.Ю. (отв. ред.) [и др]. – Минск : ООО «Ковчег», 2002. – Ч. 1, кн. 1. – С. 126–144.

Пирлинг, П. Россия и папский престол / П. Пирлинг; пер. с франц. В.П. Потемкина. – Москва : Печатня А.Л. Будо, 1912. – Кн. I: Русские и Флорентийский собор. – 452 с.

Галадза, П., священник. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні Берестейської унії аж до кінця XVII століття / священник П. Галадза // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті: матеріали Четвертих Берестейських читань, Львів, Луцьк, Київ, 2 – 6 жовтня 1995 р. / ред. Б.Гудзяк. – Львів : Інститут Історії Церкви Львівської Богословської Академії, 1997. – С. 5–6.

Poplatek, J. Alumnat papieski w Wilnie. Z dziejow szkolnictwa jezuitskiego w Polsce / J. Poplatek // Wyborartykulow. – Krakow : Wydawnictwo WAM – Ksieza Jezuiti, 1994. – 259 s.

Марозава, С.В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596-1839 гады) / С.В. Марозава; паднавуқ. рэд. У.М. Конана. – Гродна : ГрДУ, 2001. – 352 с.

Назимов, И.В. Владимир Иванович Назимов: очерк из новейшей летописи Северо-Западной России / И.В. Назимов, сост. А.С. Павлов // Русская старина. – 1885. – Т. XLV, январь-февраль-март. – С. 385–410, 555–580 ; 1885. – Т. XLVI, апрель-май-июнь. – С. 323–338.

Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времен / М.О. Коялович. – Минск : Лучи Софии, 1999. – 400 с.

Корзо, М.А. Украинская и белорусская катехитическая традиция конца XVI – XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований / М.А. Корзо. – Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. – 672 с.

Морошкин, М., священник. Иезуиты в России, от царствования Екатерины II-й и до нашего времени: в 2 ч. / священник М. Морошкин. - Санкт-Петербург : Типография Второго отделения собственной его императорского величества канцелярии, 1867 – 1870. – Ч. 1: Обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I, 1867. - 501 с.

Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1772–1917 гг. / А.У. Унучак [і інш.] ; рэдкал.: В.В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 2-е выд. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 573 с.

РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 418. Проект Инструкции Генерал-Губернаторам западных губерний в связи с проведением мероприятий по воссоединению грекоуниатов с православной церковью (с замечками Сербиновича К.С.) и записки Сербиновича К.С. и др. лиц по этому поводу с изложением истории Унии.

Чебодько, П.Я. Из воспоминаний белоруса Я.А. Чебодько / П.Я. Чебодько. – Киев : Печатня Ив. Васильченко, 1910. – 36 с.

Янковский, П., священник. Записки сельского священника / священник П. Янковский. – Минск : Свято-Петро-Павловский собор, 2004. – 380 с.

Из записок Ф.Я. Мирковича. Федор Яковлевич Миркович: 1786 – 1876. Его жизнеописание, составленное по собственным его запискам // Русский архив. - 1890. - Кн. 1, вып. 3. – С. 395–435.

Из бумаг генерала И.С. Жиркевича // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. – 1892. – Т. XLVIII. – 920 с. С. 150–159.

Рапорт Минского губернатора Корнеева имп. Павлу о Православии в Минской губернии. 6 июля 1797 г. // Русский архив. – 1869. – Т. 12. – Стлб. 1559–1566.